

В. П. ЗАГОРОВСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВОПРОСА О ДРЕВНЕМ ВОРОНЕЖЕ

Г. Н. Мокшин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 ноября 2024 г.

Аннотация: статья посвящена изучению творческого наследия известного советского историка Владимира Павловича Загоровского – автора популярной в 1970–1980-е гг. гипотезы о трех Воронежах; выясняются причины обращения ученого к вопросу о древнем Воронеже и слове «Воронеж»; анализируются сильные и слабые стороны предложенной им системы доказательств существования города Воронежа в XII в. и отношение к его гипотезе воронежских историков и краеведов; устанавливается вклад В. П. Загоровского в разрешение вопроса о летописном Воронеже.

Ключевые слова: В. П. Загоровский, русские летописи, древний Воронеж, гипотеза о трех Воронежах, историко-географическая область «Воронеж».

Abstract: the article is devoted to the study of the creative heritage of the famous Soviet historian Vladimir Pavlovich Zagorovsky – the author popular in the 1970–1980s hypotheses about three Voronezh; the reasons for the scientist's appeal to the question of the ancient Voronezh and the word «Voronezh» are clarified; the strengths of the proposed system of evidence of the existence of the city of Voronezh in the 12th century are analyzed and the attitude to his hypothesis of regional historians and local historians; the contribution of V. P. Zagorovsky to the resolution of the issue of ancient Voronezh is established.

Key words: V. P. Zagorovsky, Russian annals, Ancient Voronezh, a hypothesis of three Voronezh, the historical and geographical region «Voronezh».

«Древний Воронеж является одной из любопытных загадок отечественной истории». Такими словами в далеком 1971 г. начал свою книгу о нем доктор исторических наук, профессор ВГУ Владимир Павлович Загоровский (1925–1994) [1, с. 3]. В этом году мы отмечаем столетие со дня рождения одного из самых известных воронежских историков и краеведов. И это прекрасный повод вспомнить и о выдающемся ученом, и о том, какое место занимали в его творческом наследии поиски летописного Воронежа.

Слово «Воронеж» впервые появляется в русских летописях под 1177 г. при описании усобицы между Великим Владимирским князем Всеволодом Большое Гнездо и рязанским князем Глебом. После поражения рязанской рати в битве на реке Колокше 20 февраля 1177 г. шурин Глеба – князь Ярополк бежал в «Воронож» – далекую окраину Рязанского княжества, где очевидно рассчитывал найти для себя надежное убежище. Но через некоторое время по требованию князя Всеволода рязанцы тоже отправились в «Воронож», где схватили Ярополка и отвезли во Владимир [2, с. 207].

К сожалению, современная историческая наука не может дать четкий ответ: что имел в виду влади-

мирский летописец, чье сообщение о событиях 1177 г. вошло потом в Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи, под словом «Воронеж»: древнерусский город или территорию, примыкающую к реке? Тем не менее абсолютное большинство интересующихся этим вопросом исследователей уверено, что речь шла о городе. Неслучайно древний Воронеж уже более двухсот лет существует как «историографический факт», что зафиксировано в более двух десятках энциклопедий, начиная со знаменитого «Лексикона» В. Н. Татищева [3]. На стороне «оптимистов» всегда находился и лучший знаток данной темы – В. П. Загоровский.

По признанию современных исследователей, именно Загоровский поставил вопрос о летописном Воронеже на научно-исследовательскую почву [4, с. 6–7]. Однако более детальным разбором вклада ученого в поиски древнего города еще никто не занимался. По разным причинам. Но прежде всего из-за отсутствия интереса к истории этих поисков. И это притом, что библиография по данной теме насчитывает более 400 публикаций: от небольших газетных заметок до полноценных научных монографий [5, с. 5].

Опираясь на труды В. П. Загоровского и его оппонентов, мы попытаемся хотя бы частично восполнить этот пробел.

К истории летописного Воронежа В. П. Загоровский обратился в 1960-е гг., когда эта тема вновь начала набирать популярность.

После известной полемики С. Е. Зверева и С. Н. Введенского начала XX в. обсуждение вопроса о возможности существования древнего города было фактически поставлено на паузу из-за отсутствия новой информации. Из небытия его вывел украинский историк И. С. Абрамов, уроженец местечка Воронеж на р. Осоте. В 1952 г. во втором издании «Большой советской энциклопедии» появилась его статья о поселке Воронеж (Сумской области), в которой утверждалось, что летописный Воронеж находился именно на этом месте [6]. Это, конечно, был вызов воронежским краеведам, на который как-то надо было реагировать. Неслучайно в 1963 г. наш историк М. А. Калашников в статье о г. Воронеже для «Советской исторической энциклопедии», без должных на то оснований, добавит в текст фразу: «впервые упоминается в Ипатьевской летописи в 1177 г.» [7].

В 1956 г. академик М. Н. Тихомиров во втором издании книги «Древнерусские города» высказал предположение, что г. Воронеж существовал в 1177 г., так как в Ипатьевской летописи о нем говорилось как о городе [8, с. 36, 41]. В. П. Загоровский впоследствии написал, что мнение именитого ученого «сыграло свою роль» [1, с. 33]. Дело в том, что в 1950-е гг. некоторые исследователи (за пределами Воронежа) склонялись к тому, что в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях все-таки речь идет не о городе, а об области. Специалист по летописанию А. Н. Насонов даже изобразил ее на карте Рязанской земли второй половины XII – начала XIII в. [9, с. 203].

В 1961 г. А. Н. Москаленко в «Очерках истории Воронежского края», обратив особое внимание на мнение Тихомирова, выразила надежду, что археологи установят место, где был древний Воронеж [10, с. 24]. А рецензенты очерков В. Н. Замятнина и В. Е. Чистякова уже прямо поставят перед нашими историками задачу проверить обоснованность утверждения Тихомирова [11, с. 139].

Только сделать это было не так-то просто. Во-первых, знатокам данного вопроса было уже давно понятно, что «правильная» интерпретация летописного сообщения о Воронеже должна была опираться не на его филологический анализ (есть предлог перед словом «Воронеж» или нет – это еще ничего не значит), а на надежные археологические данные. Соответственно был только один способ доказательства существования древнего Воронежа – выяснение его точного местоположения и идентификация остатков. Во-вторых, прежде чем что-то копать, надо было определиться с районом поисков. А для этого требовалась мобилизация не только письменных свидетельств, но и данных исторической географии и

исторической топонимики, и, конечно же, материалов предыдущих археологических разведок.

Разумеется, нужен был и незаурядный человек (ученый и энтузиаст), готовый взяться за это дело и сдвинуть его с мертвой точки. К счастью для воронежского краеведения, как раз в 1960-е гг. такой человек нашелся. Им оказался доцент исторического факультета ВГУ, специалист по истории России XVII в. и, между прочим, чемпион мира по шахматам (в заочном формате) – В. П. Загоровский. В 1982 г. он не без гордости написал, что решение такой серьезной научной проблемы, как доказательство существования древнего Воронежа при наличии только косвенных данных, требует от ученого «большой подготовительной работы, приобретения массы профессиональных навыков и умений; глубокого знания в деталях и понимания русской истории, путей развития русского и ряда других языков, умения читать “с листа” древнерусские рукописи, знания рельефа местности на довольно обширной территории, древних дорог, различных систем летоисчисления» [12, с. 122].

Но не стоит думать, что все эти навыки были приобретены Владимиром Павловичем только для того, чтобы раскрыть тайну древнего Воронежа. Все 1960-е гг. он работал над докторской диссертацией о Белгородской черте. А эта тема тесно пересекается с историей колонизации Воронежского края и его исторической географией и топонимикой. Настолько тесно, что в 1966 г. ученый издал научно-популярную брошюру «Как возникли названия городов и сел Воронежской области», в которой впервые затронул вопрос о летописном Воронеже. Правда, здесь его больше интересует происхождение слова «Воронеж», а не древнерусский город, которого могло и не быть, так как в Ипатьевской летописи «скорее всего» имелась в виду «река и окружающая местность», а не город. Интересно также замечание Загоровского относительно городка Воронеж, расположенного в Сумской области. По мнению ученого, он также не мог быть упомянут в летописи. Во-первых, потому что события 1177 г. происходили в Рязанской земле, а не на Черниговщине, а во-вторых, «в XII в. его, видимо, еще не было» [13, с. 24].

Подробной разработкой темы летописного Воронежа В. П. Загоровский занялся только после завершения в 1969 г. своего капитального труда «Белгородская черта». К тому времени, по признанию ученого, ему уже было ясно, что «проблему древнего Воронежа и происхождения имени города нужно изучать и решать, не разделяя ее на части, используя в комплексе достижения различных наук: истории, языковедения, географии, археологии, источниковедения, топонимики, палеографии, исторической хронологии» [12, с. 122].

В 1969 г. писатель и лингвист Лев Успенский высказал версию о происхождении слова «Воронеж» от древнеславянского имени «Воронег» [14, с. 78]. Именно она помогла Загоровскому разработать стройную гипотезу, объясняющую и факт сосуществования украинского Воронежа и нашего, и этимологию гидронима «Воронеж», и как все это может приблизить нас к разрешению загадки древнерусского Воронежа XII в.

Гипотезу о трех Воронежах Загоровский впервые сформулировал в 1970 г. и тогда же изложил на заседании ученого совета истфака ВГУ [15]. Ее главная идея: все три Воронежа были *исторически* связаны между собой. В смысле, появлялись в определенной последовательности, один за другим. Первый Воронеж возник в IX в. в Черниговском княжестве. Назван в честь человека по имени «Воронег». Второй Воронеж основан в районе современного Липецка переселенцами из черниговского Воронежа и передал свое имя реке и прилегающей к ней территории. Третий Воронеж был заложен в 1585 г. по приказу русского правительства как город-крепость на берегу одноименной реки.

Такое, скажем прямо, сложное и нестандартное объяснение происхождения гидронима «Воронеж» (имя человека → название поселения → название реки) позволило Загоровскому сделать еще одно важное предположение. Если река получила свое название от имени человека, то сначала должно было возникнуть одноименное поселение. Ибо славяне такие крупные реки, как Воронеж, именами людей не называли. Только притоки и мелкие речушки.

Обоснование своей смелой гипотезы Загоровский изложил в 1971 г. в книге «О древнем Воронеже и слове “Воронеж”». Кстати, ради ее скорейшего написания он отказался от поездки за границу (в Чехословакию). Так увлекла ученого эта тема.

Уже в первой главе автор задается главным вопросом: что имел в виду летописец под словом «Воронежем», описывая события под 1177 г.? Позиция Загоровского: если тексты Лаврентьевской и Ипатьевской летописей (XIV в.) допускают целых три толкования слова «Воронеж»: город, река и область, то более молодая Никоновская летопись (XVI в.) составляет все по местам. Речь идет об историко-географической области «Воронеж», так как князь Ярополк переходил там «из града во град». И наш историк не видит причин не доверять ее составителю, так как: 1) это важное уточнение; 2) такое не выдумашь и, наверняка, подробности о действиях Ярополка Ростиславича в Воронеже содержались в какой-то не дошедшей до нас местной (рязанской) летописи [1, с. 10].

И еще одно интересное наблюдение Загоровского. Почему Ярополк бежал именно в «Воронеж»? Види-

мо, в 1275–1276 гг., во время своего рязанского изгнания, он получил эту территорию во владение или в управление от своего родственника (мужа сестры) – рязанского князя Глеба Ростиславича и хорошо знал эти места [там же, с. 11].

Во второй раз слово «Воронеж» упоминается в русских летописях и других источниках под 1237 г. в связи с монгольским нашествием. Загоровский подробно рассматривает их во второй главе, поскольку, по его мнению, древний Воронеж существовал как раз до этой критической даты. И в итоге приходит к выводу, что не только под 1237 г., но и вплоть до 1585 г. речь в документах шла о реке, а не о городе. Лишь в записках венгерского монаха Юлиана упоминался захваченный монголами русский замок «Ovcheruch» или «Orgenhusin», который некоторые исследователи ошибочно переводили как «Воронеж», вместо летописной «Онузы» [там же, с. 15–16].

Итак, анализ письменных источников выявил отсутствие прямых свидетельств о существовании г. Воронежа в XII–XIII вв. Но, по убеждению Загоровского, это вовсе не означало, что задача неразрешима.

Для начала следовало более внимательно изучить труды своих предшественников. Загоровский делает это в третьей главе. Первый подробный историографический обзор по теме, начиная с работ XVIII в., действительно оказался полезным. В частности, выяснилось, что мнения о существовании древнего Воронежа видных дореволюционных и советских исследователей не опирались на серьезные научные доказательства [там же, с. 35–36].

Неубедительными оказались и основные версии происхождения названия реки «Воронеж», и славянская (от слова «воронь» – «чернь»), и мордовская (от «вирьнеже» – «лесная защита»), поскольку все они игнорировали наличие города с таким названием (не реки!) на Черниговщине. По той же причине была отвергнута версия самого Загоровского (Воронеж = Ворона + тож), навеянная документами XVII в. [там же, с. 37–39].

Новый подход к этимологии гидронима «Воронеж» подробно изложен в четвертой и пятой главах рассматриваемой книги. Он основан на трех допущениях: 1) существовании у славян мужского имени «Воронег», от которого могло произойти название города «Воронеж» (правда, аналогичных примеров всего три: Братонег-Братонег, Милонег-Милонег, Уненег-Уненег); 2) основание рязанского Воронежа выходцами из Черниговской земли в ходе массового переселения IX–X вв. (более десятка совпадений названий рек и поселений под Черниговом и в районе Воронежа); 3) название «Воронеж» могло перейти с поселения на «безымянную» реку, если оно было основано самым первым и успело дать название его округе [там же, с. 52, 63, 67].

Как видно, новая интерпретация слова «Воронеж» убедила В. П. Загоровского согласиться с утверждением И. С. Абрамова о том, что украинский Воронеж древнее рязанского. Напомним, что еще в 1966 г. этот вывод ставился им под сомнение.

Гипотеза В. П. Загоровского о трех Воронежах встретила одобрение со стороны научного сообщества и местной общественности. В частности, ее поддерживали профессор А. И. Немировский и будущие светила воронежской археологии А. З. Винников и А. Д. Пряхин. Отныне всякие сомнения в существовании летописного города были отброшены и внимание исследователей переключилось на поиски его местонахождения.

Проблема локализации летописного Воронежа была поставлена С. Е. Зверевым еще в начале XX в. По мнению краеведа, следы древнего города не обязательно должны были находиться в черте современного Воронежа. Он мог ютиться на одном из древних городищ, «каких не одно мы знаем по берегам реки Воронеж», и впоследствии менять свое первоначальное положение [16, с. LXXIII].

В 1966 г. В. П. Загоровский также высказал предположение, что «если и был Воронеж в XII в.», то искать его следует «где-то выше по р. Воронеж – ближе к Рязани» [17, с. 24]. В пользу этого свидетельствовало отсутствие в документах об основании города Воронежа каких-либо упоминаний о его древнем предшественнике, т. е. Воронеж XVI в. строился не на «старом Воронежском городище». Подходящее по возрасту славянское городище не было обнаружено и в ходе археологических раскопок конца 1960-х гг. в районе строительства Воронежского водохранилища [18].

Первым реальным претендентом стало Романово городище в Липецкой области. В 1969 г. на него указал сам Загоровский, опираясь прежде всего на анализ картографических материалов конца XVIII в. Изучая возможные пути передвижения черниговских переселенцев, он обратит внимание на место пересечения древних дорог у села Ленино. В 1973 г. сюда направилась организованная В. П. Загоровским историко-археологическая экспедиция ВГУ. В итоге археологам А. З. Винникову и Н. Н. Федосеевой (из Липецкого музея) удалось обнаружить следы неизвестного ученым древнерусского поселения XII–XIII вв. [19].

В 1975 г. с учетом собранных материалов в специальной статье на эту тему В. П. Загоровский сделал вывод, что его предположение о возможности совмещения Романова городища с летописным городом Воронежем XII в. получило подтверждение [20, с. 69]. Так был сделан самый значительный на тот момент шаг на пути к решению вопроса о древнем Воронеже.

В год 800-летия первого упоминания слова Воронеж в русских летописях книга Загоровского с

изложением гипотезы о трех Воронежах была дополнена новыми археологическими материалами по Романову городищу и переиздана тиражом в 1,5 тыс. экз. [21].

Но, несмотря на собранную В. П. Загоровским солидную доказательную базу и признание его аргументации «коллегами по цеху» [22, с. 274, 277], вопрос о существовании города Воронежа в XII в. так и остался неразрешенным.

В 1986 г. воронежцам предстояло отметить 400-летие Воронежа. В преддверии этой даты в среде местных краеведов зародилось стихийное движение за увеличение его возраста (минимум в два раза), которое, как это ни странно, и поставило под сомнение гипотезу В. П. Загоровского о трех Воронежах.

А. В. Кожемякин, Е. А. Пульвер, А. М. Аббасов, В. Н. Душутин и их последователи наперебой предлагали «новые» доказательства существования Воронежа до 1585 г., а чаще всего просто апеллировали к мнению «авторитетов» (от В. Н. Татищева до Б. А. Рыбакова). Но все их доводы упирались в гипотезу В. П. Загоровского о трех Воронежах, олицетворявшую на тот момент позицию официальной исторической науки. Вот тогда-то и были озвучены первые критические замечания в ее адрес, призванные доказать несостоятельность позиции именитого ученого [23–25]. Перечислим по пунктам те из них, которые разделяются современными исследователями данной темы [26; 27, с. 21; 28, с. 28–30, 482].

1. Имя «Воронег» в памятниках русской письменности не обнаружено. Надежды В. П. Загоровского на новгородские берестяные грамоты не оправдались.

2. Факт существования в IX в. на Черниговщине поселения «Воронеж» не доказан. Скорее всего, оно появилось только в XVII в. Соответственно под вопросом исходный тезис В. П. Загоровского о том, что черниговский Воронеж древнее рязанского.

3. Река Воронеж не могла получить название от поселения, так как это противоречит сложившейся у славян традиции. А ведь именно на этом предположении строилась ономастическая версия происхождения гидронима.

4. отождествление летописного Воронежа с Романовым городищем гипотетично. Одного признания существования на этом месте города XII в. для этого недостаточно. Нужны находки, доказывающие присутствие здесь княжеской власти (печати, фибулы и другие ее атрибуты).

5. Летописный Воронеж мог находиться и в черте современного мегаполиса, так как масштабные раскопки здесь никогда не проводились.

При этом собственные гипотезы, например, отождествление древнего Воронежа с пресловутым «Воронежцем» из «Влесовой книги», летописной «Онузой» или с «Карасу» из персидских источников,

критики Загоровского почему-то преподносили как истину в последней инстанции [29, с. 3, 12, 25].

Реакция В. П. Загоровского на критику была внешне спокойной, хотя она больно ударяла по его самолюбию. Ведь спорить приходилось не с серьезными учеными, а с «дилетантами». А как еще можно назвать тех горе-исследователей, кто, например, считает, что составленная в середине XIX в. Карлом фон Шпрунером карта «Народы и княжества славян между Эльбой и Доном до 1125 г.» с изображением Воронежа (на том же месте, что и сейчас) может «перечеркнуть» все научные доводы противников его существования до 1585 г.? [30]. Все это, безусловно, снижало ценность начатой краеведами дискуссии и в начале 1990-х гг. завело ее в тупик.

В конечном итоге и самому В. П. Загоровскому пришлось признать, что широко разрекламированная им в 1970-е гг. гипотеза так и осталась гипотезой (хотя и не думал от нее отказываться). Достаточно заглянуть в его «Воронежскую историческую энциклопедию» 1992 г. Из нее мы узнаем, что «летописный Воронеж – это исторический термин, употребляемый учеными применительно к городку, упоминаемому в русских летописях под 1177 г. Место летописного Воронежа точно не определено, сам факт его существования вызывает споры» [31].

Вместе с тем большинство современных историков и краеведов (не только из Воронежа, но и из Белгорода, Ельца, Липецка, Тамбова и других городов) по праву считает В. П. Загоровского самым авторитетным специалистом по вопросу о летописном Воронеже и главным популяризатором этой темы в 1970–1980-е гг. [32].

Прежде всего, Загоровский отстоял точку зрения, что современный Воронеж не имеет прямой связи с древним городом, который если и существовал, то только в домонгольский период. И это по-прежнему основная позиция воронежских ученых. Правда, за пределами Воронежской области все не так однозначно. Во многих современных справочных изданиях вслед за советскими энциклопедиями отсчет истории Воронежа ведется от 1177 г., т. е. он почти ровесник Москвы [3].

Несмотря на то что В. П. Загоровскому не удалось доказать существование древнего города Воронежа, многие его идеи получили поддержку у новых исследователей данной темы. Так, благодаря нашему ученому была значительно расширена зона поисков древнего Воронежа. И он же указал на наиболее подходящее его местоположение – Романово городище. Другие версии (Устрялово городище на Воронеже и Семилукское городище на Дону) оказались менее состоятельными [33]. А предположение историка о том, что Ярополк неслучайно бежал именно в «Воронеж», получило развитие в статьях Н. А. Тропина,

В. А. Кучкина и А. А. Кузнецова [34–36]. Воронеж, пишут они, – это одна из волостей Рязанского княжества под управлением князя Ярополка. Следовательно, там мог быть административный центр с таким названием.

До В. П. Загоровского спор о летописном Воронеже по сути сводился к тому, что упоминается в тексте Лаврентьевской и Ипатьевской летописей – город или река с прилегающей к ней территорией. Ученый на основе комплексного анализа всех имеющихся на тот момент косвенных данных пришел к многозначительному выводу, что летописный Воронеж – это особая историко-географическая область на границе между лесом и степью. Развитие этого подхода одним из учеников В. П. Загоровского – П. А. Поповым – позволило вывести рассматриваемый нами вопрос на принципиально новый уровень. Летописный Воронеж – это не один, а множество древних городов VIII–XIII вв. с общей исторической судьбой [28, с. 298].

На изучении характерных черт и особенностей социально-экономического и политического развития данной области и фокусируется теперь историческая наука. А схоластические рассуждения о том, мог ли один из воронежских городов XII в. называться «Воронежем» (без надежной источниковой базы), постепенно отходят на второй план.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загоровский В. П. О древнем Воронеже и слове «Воронеж» / В. П. Загоровский. – Воронеж : ВГУ, 1971. – 100 с.
2. Полное собрание русских летописей : в 24 т. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1846. – 269 с.
3. Мокшин Г. Н. «Летописный Воронеж» в справочно-энциклопедической литературе / Г. Н. Мокшин // Из истории воронежского края. Вып. 27. – Воронеж : ЦЧКИ, 2022. – С. 34–40.
4. Акинъшин А. Н. Научная деятельность В. П. Загоровского / А. Н. Акинъшин, А. И. Филюшкин // Проблемы изучения истории Центрального Черноземья : сб. ст. памяти проф. В. П. Загоровского. – Воронеж : ЦДВЧК, 2000. – С. 5–10.
5. Летописный Воронеж : история изучения : сборник материалов и исследований / сост., вступ. ст. и примеч. Г. Н. Мокшина. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2022. – 384 с.
6. [Абрамов И. С.] Воронеж / [И. С. Абрамов] // Большая советская энциклопедия : в 51 т. Т. 9. – 2-е изд. – М. : БСЭ, [1952]. – С. 108.
7. Калашников М. А. Воронеж / М. А. Калашников // Советская историческая энциклопедия : в 16 т. Т. 3. – М. : СИЭ, 1963. – Стб. 706.
8. Тихомиров М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1956. – 477 с.

9. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства / А. Н. Насонов. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 261 с.
10. Москаленко А. Н. Воронежский край в эпоху первобытнообщинного строя и становления феодализма / А. Н. Москаленко // Очерки истории Воронежского края : с древнейших времен. – Воронеж : ВГУ, 1961. – С. 9–27.
11. Замятнин В. Н. Рец. на «Очерки истории Воронежского края. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» / В. Н. Замятнин, В. Е. Чистякова // Вопросы истории. – 1963. – № 2. – С. 139–141.
12. Загоровский В. П. Еще раз о слове «Воронеже» / В. П. Загоровский // Подъем. – 1982. – № 9. – С. 122–125.
13. Загоровский В. П. Как возникли названия городов и сел Воронежской области / В. П. Загоровский. – Воронеж : ЦЧКИ, 1966. – 111 с.
14. Успенский Л. В. Загадки топонимики / Л. В. Успенский. – М. : Молодая гвардия, 1969. – 269 с.
15. Недель Ю. Кто же ты, наш город? / Ю. Недель // Молодой коммунар. – 1970. – 4 апр.
16. Зверев С. Е. К вопросу о древнем Воронеже (по поводу реферата С. Н. Введенского) / С. Е. Зверев // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Вып. 2. – Воронеж, 1904. – С. LXVIII–LXXIV.
17. Загоровский В. П. Из истории городов на Белгородской черте / В. П. Загоровский // Из истории Воронежского края : [сб. ст.]. – Воронеж : ВГУ, 1966. – [Вып. 2.]. – С. 3–33.
18. Пряхин А. Д. Древности из зоны Воронежского моря / А. Д. Пряхин, А. Т. Синюк. – Воронеж : ЦЧКИ, 1968. – 33 с.
19. [Загоровский В. П.] Где находился летописный Воронеж? / [В. П. Загоровский]. – Коммуна. – 1973. – 16 нояб.
20. Загоровский В. П. К вопросу о месте летописного города Воронежа в XII веке / В. П. Загоровский // Из истории воронежского края : сб. статей. Вып. 5. – Воронеж : ВГУ, 1975. – С. 67–69.
21. Загоровский В. П. О древнем Воронеже и слове «Воронеж» / В. П. Загоровский. – 2-е изд. – Воронеж : ВГУ, 1977. – 102 с.
22. Винников А. З. По дорогам минувших столетий : археологи о древней истории Воронежского края / А. З. Винников, А. Т. Синюк. – Воронеж : ЦЧКИ, 1990. – 318 с.
23. Кожемякин А. Запорожский мешок? / А. Кожемякин // Молодой коммунар. – 1981. – 24 марта.
24. Пульвер Е. А. Тайна имени / Е. А. Пульвер, Ю. Е. Пульвер // Подъем. – 1982. – № 9. – С. 117–121.
25. Аббасов А. Летописный Воронеж / А. Аббасов // Воронеж : историко-краеведческий сборник. – Воронеж : Генезис, 1993. – С. 33–39.
26. Пряхин А. Д. Летописный Воронеж / А. Д. Пряхин // Коммуна. – 1987. – 1 июля.
27. [Цыбин М. В.] Древнерусские памятники и проблема летописного Воронежа / [М. В. Цыбин] // Археологическое открытие древнего Воронежа / В. Н. Ковалевский, А. П. Медведев, О. В. Скобелкин, М. В. Цыбин. – Воронеж : ЦЧКИ, 2014. – С. 16–24.
28. Попов П. А. Воронеж : древнее слово и древние города, а также древние леса и древние реки России / П. А. Попов. – Воронеж : Кварта, 2016. – 608 с.
29. Воронеж : урок по истории : мат-лы Первых Болховитиновских чтений (заседание круглого стола на тему «Загадки древнего Воронежа») / А. Аббасов [и др.]. – Воронеж : ВООПИК. Фонд культуры, 1992. – 26 с.
30. Душутин В. Летописный Воронеж – спор длиною в столетие / В. Душутин // За культуру обслуживания. – 1986. – 28 февр.
31. Загоровский В. П. Летописный Воронеж / В. П. Загоровский // Воронежская историческая энциклопедия. – Воронеж : Истоки, 1992. – С. 137.
32. Мокшин Г. Н. О чем спор? Современные исследователи о проблеме летописного Воронежа / Г. Н. Мокшин // История : факты и символы. – 2022. – № 2. – С. 56–68.
33. Андреев С. И. О местонахождении летописного Воронежа / С. И. Андреев, А. Д. Майорова // Русский сборник. – Брянск : БГУ, 2021. – С. 215–219.
34. Тропин Н. А. Южные территории Рязанской земли в XII–XV вв. : формирование и развитие региона / Н. А. Тропин // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. – М. : Наука, 2005. – С. 244–252.
35. Кучкин В. А. Ярополк Ростиславич / В. А. Кучкин // Древняя Русь в средневековом мире : энциклопедия. – М. : Ладомир, 2014. – С. 918.
36. Кузнецов А. А. Ярополк Ростиславич / А. А. Кузнецов // Большая Российская энциклопедия : в 35 т. Т. 35. – М. : БРЭ, 2017. – 766 с.

Воронежский государственный университет
Мокшин Г. Н., доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
E-mail: mok410@mail.ru

Voronezh State University
Mokshin G. N., Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Russian History Department
E-mail: mok410@mail.ru